

Фененко Н. А. (Воронеж, Россия)

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕАЛИЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

В статье рассматриваются важнейшие функции реалий во французском художественном тексте. Исследование проводится на основе теории реноминации с использованием разработанной в рамках данной теории терминологии: R-реалии (культурные предметы), C-реалии (культурные концепты), L-реалии (номинативные единицы, обозначающие культурные предметы/культурные концепты). В процессе анализа автор выделяет шесть основных функций: воссоздание местного (национального) колорита, воссоздание исторического колорита, эстетизация бытовой детали, матобразующая (символьная) функция, ассоциативная функция и функция маркера чужой культуры. Выявляя взаимосвязь между типом реалии (R-, C-, L-реалия) и ее функциями во французских художественных текстах, автор приходит к выводу о том, что функциональный потенциал выделенных типов различен. Такой подход позволяет раскрыть функциональный потенциал каждого из выделенных типов реалий.

Ключевые слова: реалия, реноминация, функциональный потенциал, индивидуально-авторский реаликон

NATALIA A. FENENKO (VORONEZH, RUSSIAN FEDERATION). THE FUNCTIONAL POTENTIAL OF REALIA IN FRENCH LITERARY TEXT. The paper discusses the most important functions of realia in French literary texts. The research is based on the theory of renomination which utilizes the following terms: R-realia (i.e. culture-specific objects), C-realia (i.e. culture-specific concepts), and L-realia (nominations that denote culture-specific objects or concepts). The author distinguishes six major functions of realia, namely creation of a local (national) spirit, creation of a historical context, esthetic presentation of a detail, symbolic function, associative function and the function of marking elements of another culture. By revealing the connection between particular types of realia and their functions in French literary texts the author comes to the conclusion that functional potential of various types of realia differs. The approach offered in the article allows for revealing of the functions of the three types of realia.

Keywords: *realia, renomination, functional potential, writer's individual set of realia*

Реалии (в другой терминологии – *национальные реалии, лингвокультурные реалии, лингвокультуремы*) привлекают к себе в последние годы все большее внимание учёных, которые проводят исследования в русле лингвокультурологической и антропоцентрической парадигм языкознания. Интерес к изучению лексических единиц (далее – ЛЕ), которые репрезентируют «культурные предметы» или «культурные концепты», и, следовательно, отражают национально-специфические фрагменты языковой картины мира, не случаен. Достаточно отметить, что реалии занимают важное место в тезаурусе языковой личности, поскольку репрезентируют такие предметы и явления, которые считаются первоочередными, «ближайшими» для говорящих на данном языке, иначе говоря, являются наиболее значимыми в своей лингвокультуре. Будучи носителями информации о мире с этнических позиций, они коррелируют с явлениями, присутствующими в одной культуре и отсутствующими в другой. Вследствие этого неизвестные или малоизвестные чужие реалии нередко становятся фактором риска в межкультурной коммуникации и препятствуют достижению взаимопонимания участников диалога как способа и средства обмена культурными ценностями.

Особая природа слов-реалий ставит их исследование в точку пересечения проблем сопоставительной лингвистики, теории межкультурной коммуникации, лингвистики текста, стилистики художественного текста (Французские и русские реалии... 2013: 4). Данные ЛЕ представляют собой и серьёзную переводоведческую и переводческую проблему, поскольку перевод – это всегда процесс интерпретации знаков одной культуры через знаки культуры другой. С этой точки зрения реалии связаны с проблематикой национального колорита текста и особенностей его сохранения в процессе перевода, эквивалентности формы и содержания текстов оригинала и перевода, диалектики эксплицитного и имплицитного в ИТ и в ПТ, соотношения текстовой и метатекстовой информации, причин лакунизации и приёмов делакунизации текста в процессе перевода и др.

Особого внимания заслуживает изучение функций реалий в художественном тексте. Будучи «центральным звеном», связывающим язык и культуру, текст выступает одновременно и как «важнейший источник сведений о мире, о культуре людей, живущих в определённом месте, в определенной среде, в определенную эпоху и в определенных исторических условиях, а значит, представляющих зависимость от всех этих разнообразных социально-культурологических и психологических факторов» (Кубрякова 2004: 505). Не случайно инвентарь важнейших компонентов герменевтики текста – *intentio auctoris*, *intentio operis*, *intentio lectoris* – дополняется в современных работах концептом *intentio culturae*, призванным раскрыть логику функционирования текста в условиях межкультурной коммуникации.

Рассматривая реалию как значимый элемент текста, «художественное слово», необходимо исходить из положения о том, что национальная окраска текста не может быть сведена к какой-либо отдельной формальной особенности произведения, в том числе и к лингвокультурным реалиям. Национальная окраска всегда затрагивает целую совокупность черт любого произведения, целое сочетание особенностей, хотя некоторые из них могут быть более ярко отмечены её печатью, чем другие (Федоров 2002: 381). Следует также учитывать, что национальная окраска (национальный колорит) представляет собой конкретную характеристику текста, которая выражается как в образах, непосредственно отражающих материальную обстановку и социальные условия жизни народа (в характере и поступках действующих лиц), так и в его насыщенности идиоматикой в широком смысле слова. Именно поэтому рассмотрение проблемы национального колорита возможно только на основе «органического единства, образуемого содержанием и формой литературного произведения в его национальной обусловленности, в его связи с жизнью народа, которую оно отражает в образах, и с языком народа, воплощающим эти образы, придающим им специфические оттенки» (Федоров 2002: 380).

Реалии, как элементы, «отмеченные печатью» национального колорита (Влахов 2006: 121), в рамках задач эстетики художественного текста выполняют различные функции. В процессе их анализа мы будем основываться на концепции

реноминации (Кретов 2011) и различать R-реалии (культурные предметы), C-реалии (культурные концепты) и L-реалии (номинации культурных предметов/концептов) (Кретов 2013). Термин *реалия* будем сохранять в качестве родового и определять как парную лакуне категорию контрастивной лингвистики, сигнализирующую наличие в одном языке готовой номинации для обозначения сигнификата (а для денотатной лексики – и денотата) языковой единицы соответствующей лингвокультуре на фоне отсутствия такой номинации в другом языке (Французские и русские реалии... 2013: 22).

В проанализированных французских художественных текстах можно выделить следующие функции реалий.

1. Функция воссоздания местного (национального) колорита

Национальная принадлежность является важнейшей типологической характеристикой, указывающей на этнографическую природу реалии, на её связь с различными формами материальной и духовной культуры народа. Именно поэтому в художественном произведении национальные реалии используются с целью воссоздания этнографических особенностей быта.

Наиболее ярко локальная отнесенность проявляется в реалиях-локализмах, которые отражают уникальную историю и культуру того или иного региона страны. В отличие от национальных локальные реалии принадлежат не языку соответствующего народа, а либо диалекту / наречию, либо языку менее значительной социальной группы и обозначают специфические для данной области объекты или отношение к ним (Влахов 2006: 76). Так, например, культура французской провинции Бретань закреплена в таких реалиях как *biniou* – музыкальный инструмент (бретонская волынка), *bigoudin* – бигуден (традиционный женский головной убор в западной Бретани), *cidre* – сидр (яблочное вино), *menhirs* – менгиры (мegalитические памятники, находящиеся на территории Бретани) (La Bretagne 1993). Подобные ЛЕ называют преимущественно реалии – культурные предметы (R-реалии) и отличаются наиболее высокой степенью национально-культурной специфики. Они далеко не всегда

отмечены двуязычными (французско-русскими) словарями и лишь частично фиксируются толковыми словарями, где снабжены специальной пометой: *chouchen n m (mot Breton) Region (Bretagne) Hydromel* [Le petit Robert 1995]. Значение таких реалий эксплицируется чаще всего в метатекстовых комментариях, которые содержат так называемую интерпретанту локальной принадлежности:

Argoat

Terme imprecise mais utilisé pour designer la Bretagne interieure. Il vient du mot Breton koad (bois, foret, region boisée) qui est devenu goad par mutation consonantique. A l'exception de Paimpont (ille-et-Vilaine), de la forêt du Gavre (Loire Atlantique) et de la forêt de Rennes, les tres grands massifs forestiers ont actuellement disparu, L'Argoat est une region agricole (élevage et industrie agroalimentaire).

Chouchen

Le miel est recolte depuis fort longtemps en Bretagne. Autrefois, lorsque le cidre manquait, les fermiers fabriquaient de l'hydromel, encore appelé chouchen en basse Bretagne ou chourillard en pays gallo. Il porte aussi le joli nom de liqueur des dieux, ou liqueur des bardes. Cette boisson, à base de miel, est excellente en aperitif ou en digestif (La Bretagne 1993).

Широкое использование реалий – локализмов – типичная черта языка французских исторических романов, где параллельно с регионализмами функционируют реалии-историзмы. Так, в романе Б. Клавеля «Волчья ПОРА (LA SAISON DES LOUPS)» встречаются многочисленные диалектизмы (L-реалии): *rabotit* – шум, производимый лопаткой солевара, *maladière* – больница, убежище для прокажённых, чумные бараки, *reculée* – долина в горах (Юра) с вертикальными стенами, *ancelle* – еловая дранка, *crotot* – горный источник и др. (Clavel 1978). Их роль – показать, с одной стороны, своеобразие территориальной специфики провинции Франш-Конте, а с другой, акцентировать специфику временную – период территориальной раздробленности Франции (действие в романе происходит в 1639 году) и независимости автономного и процветающего в те времена графства Бургундского. Таким образом, реалии-локализмы участвуют в процессе «архаизации» текста, в создании атмосферы действия, удалённой от современного читателя.

Аналогичную функцию реалии выполняют и в произведении Р. Роллана «КОЛА БРЮНЬОН» (Rolland 1968), в котором представлено колоритное описание обычаев и нравов бургундской деревни. Текст этого произведения также изобилует реалиями-диалектизмами: *mons (monsieur)*, *mangeux d'caille (mangeur de lait caille)*, просторечиями (*flutiaux – flutes*), архаизмами (*mitan – середина, ramonat – трубочист, prime avril – первое апреля, sol – су*). В создании колорита участвуют ЛЕ – носители фоновой информации, которая является актуальной для героев произведения, но далеко не всегда известна современному французскому читателю. Подобные ЛЕ можно квалифицировать как реалии-аллюзии (Влахов 2006: 210). Ср., например:

le curé de Meudon «медонский кюре» – намёк на Франсуа Рабле;

les princes enjuponés – намек на перерождение старой французской аристократии в придворных Марии Медичи;

les cafards empantouflés – намек на ритуальное целование туфли папы римского;

gens à huppe – намек на средневековый обычай надевать особую «пугающую» одежду или маску, чтобы прогнать эпидемию, отпугнуть беса.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в контексте художественного произведения многие реалии выступают в качестве носителей местного и одновременно исторического колорита. Это лишний раз подтверждает, что реалии относятся к числу единиц, не поддающихся слишком четкой «регламентации» и их деление в значительной мере условно, схематично и не может претендовать на абсолютную полноту (Там же: 62).

2. Функция воссоздания исторического колорита

Темпоральная отнесённость реалии связана с фактором времени, который играет важнейшую роль в создании модели человека и является существенным элементом языковой картины мира. Взаимосвязь «фактора времени» и «фактора человека» проявляется, по мнению Н. Д. Арутюновой, в том, что человек, находясь в точке присутствия, которая условно расчленяет линию времени на составляющие, вносит в модель времени два сложных и противоречивых компонента – точку движения и направление движения. Точка движется, вместе с нею движется время, вместе с

которым движется по линии времени событийный мир (Арутюнова 1999).

Темпоральная отнесенность – характеристика реалий, отражающая закреплённый в них временной (историко-культурный) период – делает реалию знаком своей эпохи.

Значительный пласт подобной лексики составляют историзмы, на частотность которых указывал в своё время Ш. Балли, подчеркивая, что ни один народ не употреблял в таком количестве «исторических слов», как французы (Балли 1955: 376). Историзмы – «мертвые реалии» – вследствие своей временной удаленности теряют актуальный смысл даже в той лингвокультуре, которой они принадлежат. Сфера их употребления ограничивается профессиональной научной коммуникацией или исторической художественной литературой.

Передача исторического колорита – одна из важных функций реалии в художественном тексте. В качестве примера приведём отрывок из романа В. Гюго «ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД (QUATRE-VINGT-TREIZE)» (Hugo 1978). В нем представлено описание улиц Парижа эпохи первой Французской революции и передаётся радостное настроение людей, начинающих новую жизнь. Отказываясь от старых, традиционных реалий, они стараются заменить их новыми, с которыми связывают надежды на будущую счастливую жизнь:

On vivait en public, on mangeait sur des tables dressées devant les portes ; les femmes assises sur les perrons des églises faisaient de la charpie en chantant la Marseillaise, le parc Monseaux et le Luxembourg étaient des champs de manœuvre ; il y avait dans tous les carrefours des armureries en plein travail, on fabriquait des fusils sous les yeux des passants qui battaient des mains ; on n'entendait que ce mot dans toutes les bouches : Patience. Nous sommes en Révolution. On souriait héroïquement. <...>

On faisait des rondes de carmagnole ; on ne disait pas le cavalier et la dame, on disait « le citoyen et la citoyenne ». On dansait dans les cloîtres en ruine, avec des lampions sur l'autel, à la voûte deux bâtons en croix portant quatre chandelles, et des tombes sous la danse. On portait des vestes bleu de tyran. On avait des épingles de chemise « au bonnet de la liberté » faite des pierres blanches, bleues et rouges. La rue de Richelieu se nommait rue de la Loi ; le faubourg Saint-Antoine se nommait le faubourg de Gloire ; il y avait sur la place de la Bastille une statue de la Nature.

Приведенный отрывок содержит значительное количество реалий времён Великой французской революции. Среди них ЛЕ, называющие культурные предметы (R-реалии): *ronde de carmagnole*, *bonnet de la liberté*, *épingle de chemise*, а также культурные концепты (С-реалии): *vivre en public*, *danser dans les cloîtres en ruines*. К С-реалиям можно также отнести апеллятивные реалии или обращения: *citoyen*, *citoyenne*. Анализируя функцию воссоздания временного колорита, следует учитывать, что в художественном тексте история служит только фоном для человеческих судеб, поэтому в фокусе авторского интереса оказываются не столько сами исторические реалии, сколько характеры и судьбы персонажей.

3. Функция эстетизации бытовой детали

Реалии, передающие конкретные, доступные зрительному восприятию предметные и пространственные отношения (R-реалии) входят в состав «вещного словаря», который нередко выступает в качестве главного материала художественного текста. Слово, обозначающее событие или вещь, то есть, слово в его обычном, нормативном значении играет важную роль в художественном произведении: образы реального мира вещей входят в произведение, образуя первый ярус его семантики (Степанов 2003: 300). «Вещный словарь», будучи главным материалом художественного текста, становится изобразительным средством и принимает непосредственное участие в описании номинативного содержания, посредством которого высказывание называет или описывает некую референтную ситуацию (Долинин 1985: 15).

В качестве примера можно привести роман Ж. Дюамеля «ГАВРСКИЙ НОТАРИУС (LE NOTAIRE DU HAVRE)» (Duhamel 1983), в котором бытовые реалии освещены особым лирическим светом повествования. Многочисленные описания быта, предметов домашнего обихода, повседневных действий передаются с помощью бытовой лексики, которая используется писателем как средство для воспроизведения атмосферы уюта, доброты, душевного здоровья:

Notre nouvelle salle à manger fut transformée, comme l'ancienne, en atelier de couture et maman commença de rêver sur des patrons de

papier gris. Elle avait l'air d'un général qui consulte ses cartes et combine une bataille. De gros ciseaux en main, elle, si vive, réfléchissait longuement, avant d'étailler à même l'étoffe.

Elle savait tout faire: couper les vêtements d'homme, faufiler, piquer, broder, tricoter, passer à la teinture, laver, repasser. Quoi donc encore? Et! Tout, dis-je.

Параллельно с ЛЕ, называющими реалии повседневного быта, в романе функционирует иной пласт лексики – экономические реалии, обозначающие деловые отношения, денежные операции (*gage, notaire, testament, titres, actions*):

La part d'Aurelie, je viens de le dire, consistait en fonds d'Etat, au porteur, et négociable. Le notaire s'offrait lui-même à donner les ordres de vente. Ces titres venaient de subir une légère dépréciation, ce qui ramenait leur valeur, au cours du jour, à dix-neuf mille deux cents francs.

Эта терминология выполняет двойную функцию: с одной стороны, – номинативную, поскольку называет финансовые и юридические реалии, с другой, – эмоционально-оценочную, так как передает отношение героя к миру денег, разрушающему традиционные человеческие ценности. Лексические и стилистические «столкновения» в тексте романа бытовых и финансовых реалий помогают, сквозь призму лирических воспоминаний главного героя, ощутить борьбу двух начал – доброты человеческих отношений и жестокости мира денег (Duhamel 1983: 17).

Функционирующие в художественном тексте реалии показывают, что герои произведений неотделимы от своего материального окружения. Так, например, сквозь всё творчество Ф. Мориака проходит образ Бордо – «грустного и прекрасного» города, рассечённого надвое медленным течением илистой реки, окружённого сосновыми лесами – ландами, увенчанного виноградниками. Исследователи стиля французского писателя неоднократно подчёркивали, что описания, связанные с его излюбленной реалией – ландами, являются лейтмотивом всех его романов. Ср., например:

Le vent du sud brûlait la peau, sentait le pin consume. Du côté des Landes, le ciel devait être rougeâtre et fumeux. De seconde en seconde augmentait la soif de la terre torturée.

В романах Ф.Мориака реалии – не просто часть коммуникативного содержания, которое непосредственно связано с деятельностной ситуацией. Они становятся частью эстетической информации, частью словаря индивидуальной художественной речи.

Преобразование «вещного словаря» (R-реалии) в словарь символов (C-реалии) можно наблюдать на примере книги Ж. Перека «ВЕЩИ (LES CHOSES)», удостоенной одной из почетных во Франции премий – «РЕНОДО (RENAUDOT)». Предлагаемый в ней социологический анализ общественного и личного поведения организован как художественная проза и отличается осязаемой конкретностью в изображении подробностей быта (Peres 1969: 6). Конкретностью и индивидуальностью наделены исключительно предметы материального мира – вещи, в то время как люди лишены индивидуальных примет и характера, это дети стандартов, серийного производства и массовой культуры. «Говорящие» особым языком вещи становятся в повести Ж. Перека знаками, понятными только посвященным. Например, *куртка для уик-энда из джерси с кожей* – это не просто одежда, для главных героев романа – это почти ритуальный предмет, без которого, по мнению героев произведения, современный человек не может чувствовать себя современным. Большая часть используемого автором словаря – это слова, называющие реалии новейшего быта, которые можно квалифицировать как «модные реалии» (Влахов 2006: 88). В мечтах героев они противопоставляются привычным предметам, окружающим их в каждодневной жизни, и отражают конфликт мечты и действительности человека общества потребления. Так, описание квартиры мечты героев произведения – Жерома и Сильвии – представляет собой как будто списанную из мебельного каталога опись вещей (Peres 1969: 12):

Au-delà d'une petite table basse, sous un tapis de prière en soie, accroché au mur par trois clous de cuivre à grosses têtes, et qui ferait pendant à la tenture de cuir, un autre divan, perpendiculaire au premier, recouvert de velours brun clair, conduirait à un petit meuble haut sur pieds, laque de rouge sombre, garni de trois étagères qui supporteraient des bibelots; des agates et des oeufs de pierre, des boîtes à priser, des bonbonnières, des cendriers de jade, une coquille de nacre, une montre de gousset en argent, un verre taille, une pyramide de cristal, une miniature dans un

cadre ovale. Plus loin, après une porte capitonnée, des rayonnages superposés, faisant le coin, contiendraient des coffrets et des disques, à côté d'un électrophone fermé dont on n'apercevait que quatre boutons d'acier guilloché, et que surmonterait une gravure représentant le Grand Défilé de la fête du Carrousel.

Новая действительность ассоциируется у героев с новыми реалиями, заимствованными из английской и американской культуры:

Ces sondages-express, appelés testings ou enquêtes-minute, étaient payés cent francs. C'était peu, mais c'était mieux que le baby-sitting, que les gardes de nuit, que la plonge, que tous les emplois provisoires – distributions de prospectus, écritures, minutage d'émissions publicitaires, vente à la sauvette, lumpen-tapirat – traditionnellement réservés aux étudiants (Perec 1969: 42).

Ils découvrirent les lainages, les chemisiers de soie, les chemises de Doucet, les cravates en voile, les carres de soie, le tweed, le lambswool, le cashmere, le vicuna, le cuir et le jersey, le lin, la magistrale Hierarchie des chaussures, enfin, qui mène des Churchs aux Weston aux Bunting, et des Bunting aux Lobb (Perec 1969: 46).

Новые реалии (в анализируемом тексте это свои R-реалии и чужие L-реалии) воплощают мечты о новой жизни, для обозначения которой автор предлагает термин *le mieux-vivre* («лучшая жизнь»), созданный по аналогии со словами *bien-être*, *mieux-être* («повышение благосостояния»). На их фоне традиционные реалии лишь напоминают о настоящей, далёкой от роскоши и богатства жизни героев и усиливают, таким образом, конфликт мечты и действительности.

4. Символьная функция

Реалия может выполнять в художественном тексте символьную функцию (Булгакова 2013). Символьная функция – результат вторичного семиозиса, в процессе которого происходит изменении категориальной характеристики реалии: культурный предмет (R-реалия) превращается в культурный концепт (C-реалия). Хрестоматийным в этом плане является пример с названием пирожного *la madeleine*, которое обозначает в произведениях М. Пруста не конкретный предмет, а носитель признаков, связанных с доминирующей семантико-смысловой

структурой романа, именем ситуации. Оно ассоциируется с целым рядом сведений-событий, заданных однажды предшествующими контекстными условиями, и обозначает след ощущения, в то время как воображение героя достраивает образы, выделенные этим ощущением (Седых 1999).

Реалия в символьной функции может стать ключевым образом произведения, его метаобразом, который объединяет вокруг себя другие лейтмотивные слова-образы. Находясь между собой в сложных соотношениях, символические значения образуют систему, посредством которой выражается художественный замысел автора. Так, ключевым образом в романе Ф. Мориака «ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА (GENITRIX)» (Mauriac 1971) становится дом, который выступает здесь не только как конкретная реалия (R-реалия), но одновременно и как символ замкнутого пространства (С-реалия), особый персонаж, обладающий собственным характером. С самых первых страниц в повествование органично вплетаются детали этого дома: скрипит лестница, хлопают двери, наполняются запахами комнаты – жизнь дома несравненно более живая жизнь, чем у его обитателей:

L'express de vingt-deux heures passa, et toute la vieille maison tressaillit: les planchers frémissaient, une porte dut s'ouvrir au grenier ou dans une chambre inhabitée (Mauriac 1971: 7).

Dans cette maison immense, toujours tressaillant et dont les portes-fenêtres n'étaient pas même défendues par les volets pleins, elle avait connu des nuits de terreur folle.

Дом, который существует и реально, и в сознании персонажей, так же тесно связан с персонажами Мориака, как знаменитый пансион Воке из романа «ОТЕЦ ГОРИО» – с персонажами бальзаковской «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ» (Наркирьер 1983: 49).

Метаобразами могут стать реалии – авторские неологизмы, которые выступают как важная составляющая эстетики текста, что характерно для индивидуальной стилистики таких французских писателей, как Э. Базен, П. Данинос, Р. Кено, Б. Виан.

Авторский неологизм – «эпизодическая реалия» в терминологии С. Влахова и С. Флорина (Влахов 2006: 89) – может выступать в качестве развёрнутой метафоры. Так, выражение *l'enfant ouaté* (досл. «ребёнок из ваты»), созданное А. Стилем на

основе фразеологизма *l'enfant gâté* («избалованный ребёнок»), порождает ключевой для повести символический образ «детства, высланного ватой», окруженного любовью и нежностью и в какой-то мере отделённого от взрослого мира. Неологизм используется на фоне других характерных стилистических приемов – обыгрывание фразеологизмов, крылатых слов, цитат и т. п. Слова, обозначающие реалии, связанные с домашним и школьным обиходом, нередко влекут за собой ассоциации, выходящие за пределы кругозора мальчика из шахтерской семьи и отсылающие к сознанию взрослого рассказчика, с его образованием и жизненным опытом (Французская повесть... 1982: 332). Например:

Copier un emploi du temps, noter le nom d'un prof, comme on dit, découvrir ses habitudes, ses manies, ses tics, entrer dans la pratique, compliquée, du cahier de texte, le seul ou il n'y a pas de textes, apprendre la différence entre professeurs et répétiteurs, répétiteurs et pions, ce ne sont là que les miettes de sa soudaine promotion (Stil 1982: 94-95).

Il saura plus tard qu'elle isole les appartements du proviseur et du censeur, justement, au-dessus de leurs bureaux.

Реалиям-окказионализмам принадлежит особая роль при создании неповторимых литературных образов и уникальных текстовых ситуаций. Их специфика состоит в том, что, «вырванные» из своего когнитивного контекста, они не будут ни в денотативном (содержательном), ни в коннотативном (ассоциативном) плане иметь того значения, которое они приобретают в составе единого комплекса реалий конкретного художественного текста.

5. Ассоциативная функция

Ассоциативная функция может быть реализована в случае использования реалии в названии художественного текста. Показательны в этом отношении заголовки трёх произведений, помещённых в сборник «ФРАНЦУЗСКАЯ ПОВЕСТЬ – 70-Е ГОДЫ». Так, заглавие повести А. Стиля «DIEU EST UN ENFANT (РЕБЁНОК ЭТО БОГ)» представляет собой цитату из предисловия к книге французского искусствоведа и эссеиста Э. Фора (1873-1937) «ДУХ ФОРМ», которой заключается его многотомная «ИСТОРИЯ ИСКУССТВ»: *Dieu est un enfant qui s'amuse, passe du rire aux larmes sans motifs et invente*

chaque jour le monde pour le tourment des abstracteurs de quintessence, des cuistres et de prédicants qui prétendent lui apprendre son métier de créateur (Французская повесть: 323).

Название повести П. Модиано «LES BOULEVARDS DE CEINTURE (Бульварное кольцо)» содержит реалию, называющую периферийные бульвары (кольцевую автомагистраль), в отличие от Больших бульваров, опоясывающих центральную часть города, проходящих по окраинам Парижа, вблизи его административной границы. Действие повести происходит в период оккупации Франции и переносит читателя в сумрачный мир, где всё неясно, нет ничего определённого, всё движется по кругу (по кольцу), границы между реальным и воображаемым очень зыбки, а сам человек бесконечно одинок (Там же: 5).

И, наконец, повесть писательницы П. Флетью называется «ИСТОРИЯ О КАРТИНЕ (HISTOIRE DU TABLEAU)». В заглавии повести, как и ряда других произведений автора, использована конструкция «Histoire de + существительное со значением конкретного физического объекта», которая во французской художественной прозе обладает специфическим употреблением. Традиционно так называются сказки для детей (русский эквивалент – «СКАЗКА О...»), причем, предмет или животное, упомянутое в заглавии, как правило, обладает волшебными свойствами. В 70-е годы XX века эта формула названия проникла в литературу для взрослых в жанр, получивший название «феерии», где герой, наш современник, попадает в заколдованную, волшебную область. Таким образом, название повести П. Флетью включает в себе установку на вымысел и фантастические события (Там же: 355). Само по себе слово *картина* не является национальной реалией, однако в тексте произведения оно становится реалией-символом. С одной стороны, *картина* – это объект, вещь, одна из множества вещей, заполняющих человеческую жизнь, поработавших людей. В этом смысле она олицетворяет тот мир материального процветания, который окружает героиню в Америке. С другой стороны, полотно, написанное самой художницей, символизирует искусство, его роль в жизни человека, творческий процесс, который требует от писателя особого, «освобождённого» от материальной суеты взгляда на мир, полной отдачи делу, которому служишь (Там же: 14).

Связь реалии с глубинными пластами народной культуры позволяет использовать её в качестве основы реминисценций в художественном тексте. Реминисценции «как намёки на возможные значения», как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д. (Лихачёв 1999), являются формой переплетения «своей» и «чужой» речи. При этом «чужое» слово, приживаясь на новом месте, становится для текста «своим», но не присваивается говорящим (Арутюнова 1999: 669). Реминисценция – одно из проявлений диалогической ориентации слова и высказывания, где всегда взаимодействуют разные личностные начала «своего» и «чужого». Реминисценция является одним из проявлений интерсубъектности как необходимого условия семиотизации личности, как регулятора, организующего её опыт и поведение: семиотика поведения предполагает существование Другого (Арутюнова 1999: 647). Это знак существования интертекстуального пространства (Roux-Faucard 2002).

Реминисценции во французской литературе связаны, чаще всего, с эпизодами из Библии и библейскими персонажами: *Cette perruque de Salomé étreint mes tempes et renforce ma migraine.*

Здесь «чёрный парик» – аллюзия на Саломею, древнееврейскую принцессу, которая, согласно евангельской легенде, получила голову Иоанна Крестителя за свой искусный танец.

Реминисценции «отсылают» читателя и к греческой мифологии, как, например, в следующем предложении из романа Р. Флетью «HISTOIRE DU TABLEAU»: ... *elle l'arrachait de sa peau par morceaux, comme une tunique empoisonnée.*

В этом предложении содержится отсылка к греческому мифу о смерти Геракла: надев отравленную одежду, присланную ему вследствие козней его врага, кентавра Несса, Геракл уже не мог оторвать её от тела и умер, страдая от жгучего яда.

Межтекстовые переключки, в основе которых лежат национальные реалии, происходят и внутри своей литературы. Так, следующее предложение из повести П. Флетью содержит отсылку к известному эпизоду из сказки Шарля Перро «Мальчик-с-пальчик» (*Le Petit Poucet*), где герой разбрасывает на своем пути белые камешки, чтобы потом найти по ним дорогу назад:

Des cailloux blancs qui se trouvaient sur mon chemin, que je ramassais...

Ср. также: Je pensais à Mme Bovary, personnage que j'avais toujours un peu méprisé, je pensais à Phèdre, dont les discours emphatiques me faisaient sourire lorsque j'étais jeune fille, je pensais à Don Juan, pour qui je n'avais eu qu'une sympathie amusé, je pensais à la fascination si incompréhensibles de la couronne et du sang sur Macbeth, je pensais à Faust, sur qui j'avais fait tant de bons devoirs...

В данном предложении упоминание литературных персонажей (госпожа Бовари, Федра, дон Жуан, Макбет, Фауст), хорошо известных французам по произведениям национальной и зарубежной литературы, призвано передать состояние героини, которая начинает ощущать себя вне привычной безличности, отождествляя себя со знаменитыми трагическими героями.

Учитывая, что подобные реалии употребляются в конкретном контексте и отражают определённый отрезок действительности с помощью иносказаний, намеков, аллюзий, интертекстуальных переключек, а также информации, переданной языком жестов, некоторые исследователи предлагают называть их «ситуативными реалиями» (Влахов 2006: 202). В основе выделения таких реалий лежат понятия аллюзивности и прецедентности в той трактовке, в которой они сложились в современной отечественной и зарубежной лингвистической традиции.

6. Функция маркера чужой культуры

В текстах, которые являются фрагментами чужой языковой картины мира, реалии играют особую роль: они выступают как репрезентанты чужой действительности. Маркеры «чужого» – это реалии, представляющие собой заимствованные слова (L-реалии), которые называют свойственные другой культуре натурфакты, артефакты или ментефакты. Тексты, репрезентирующие чужую культуру, представляют профилирование комплекса сведений о мире с изменением отношений «когнитивная фигура – когнитивный фон». Последнее обуславливает необходимость переструктурирования всего комплекса воспринимаемых сведений и, следовательно, результатов категоризации и концептуализации этих сведений (Гришаева 2013: 70). В этом случае особое значение приобретают такие характеристики реалии, как степень её известности в принимающей культуре и

уровень её освоенности принимающим языком, частотность её использования в данном тексте и роль, которая ей отводится в рамках эстетических задач произведения.

В процессе переструктурирования сведений о чужой действительности нередко намеренные / ненамеренные искажения чужой картины мира, что оказывает существенное влияние на результат воздействия текста на реципиента. Так, избыточное количество слов, обозначающих незнакомые для принимающей культуры чужие реалии, может существенно затруднить понимание текста читателем. Примером тому служит, в частности, книга А. Дюма «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ» (Dumas 1989), где автор делится своими воспоминаниями о пребывании в Петербурге, Москве, о поездке по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани и по Кавказу. А. Дюма описывает большие и малые города России, памятники архитектуры, встречи с разными людьми. Несколько глав книги посвящены истории России – Петру I, Екатерине II, династии Романовых, декабристам, войне 1812 года.

Книга представляет уникальный материал для анализа чужих L-реалий, используемых для описания русского быта того времени, о чем можно судить по следующему отрывку:

... Il prit un drojki, en disant : « Lietny sade ». Ce qui signifie : « Au jardin d'Été ». Le drojky le conduisit au jardin d'Été. Arrivé devant la grille : « Stoi » dit-il. Vous comprenez que cela veut dire : « Arrête ! » Puis, a l'isvotschik : « Para cod, cria-t-il, pascareie ! Pascareie ! » Ce qui signifiait : « Au bateau, vite ! Vite ! ».

Приведенный отрывок пестрит реалиями традиционного русского быта, неизвестными во французской лингвокультуре. Разъясняя читателю их значения, А. Дюма использует различные приемы, характерные для переводческой практики:

- приводит в скобках французский синоним: *Le gastinoi dvor (le bazar) de la ville est encombré d'effets appartenant à la couronne <...>*;
- предлагает собственную экспликацию слова: *Le dvornik, c'est la police entretenue et payée par les particuliers, au lieu d'être entretenue et payée par le gouvernement;*
- осуществляет объяснение русской реалии через французскую, используя приём замены реалии реалией:

*Le titre de **quartalnoy nadziratel** correspond a notre titre de **commissaire de police**.*

*(...) un jeune Français exerçant à Saint-Petersbourg la profession d'**outchitel**, c'est-à-dire **professeur**.*

Предлагаемые автором экспликации (С-реалии) носят «развернутый» характер, они занимают целые страницы текста, где А. Дюма подробно описывает важный с его точки зрения предмет (неизвестную французам русскую R-реалию), историю его возникновения, его функцию, роль и место в современном русском обществе. Например, значительная часть главы XXIII посвящена выявлению разницы реалий *dvornik* и *karaoulny*.

Кроме реалий традиционного быта в книге писателя используется множество имён собственных-топонимов (*Moscou, Kazan, Tsarsko-Celo, Astrakan*), а также историзмов (*strelitz, tsar, Société du Nord*). На одной странице книги можно встретить до 15-20 заимствований из русского языка, которые, по мнению специалистов, вставлены в книгу с помощью друзей писателя и больше походят на «переводы» с русского языка на французский методом перекодирования.

Желание отобразить картину русской жизни в полном объеме, приблизить к ней французского читателя приводит к противоположному эффекту: транскрибированные L-реалии остаются во французском тексте экзотизмами, обозначающими «чужие» и непонятные реалии. Они не освоены французским языком, о чём свидетельствует различие в написании таких слов на основе транскрипции (*drojki / drojky*). Стремление автора полностью эксплицировать их значения имеет следствием утрату национального колорита. При этом текст сильно теряет в плане художественности – он становится похожим на этнографический документ, на учебник истории или географии России.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что реалии, являясь непосредственной составляющей эстетики художественного текста, выполняют в нём многочисленные и разнообразные функции: они отражают писательское кредо, участвуют в семантизации всех универсальных художественных смыслов текста, в формировании его эстетической экспрессивности. Их функциональный потенциал, однако, различен. Для R-реалий наиболее характерны функции воссоздания местного (национального) и исторического

колорита, а также функция эстетизации бытовой детали. L-реалии выступают преимущественно в качестве маркеров местного колорита (реалии-диалектизмы) или маркеров чужой культуры. Наиболее богат функциональный потенциал C-реалий, которые доминируют в художественном тексте и реализуют в нём все перечисленные выше функции. При этом количество C-реалий в тексте может существенно увеличиваться вследствие категориальной транспозиции R- и L-реалий. Последние, будучи использованы в символической и ассоциативной функциях, приобретают дополнительные коннотации, пополняя тем самым класс C-реалий.

Специфика реализации функционального потенциала реалий подтверждает мысль о том, что в рамках художественного произведения совокупность реалий выполняет единую содержательно-эстетическую задачу и может рассматриваться как своеобразный интенционально-содержательный комплекс, отражающий индивидуально-авторское представление об описываемой действительности. Такой интенционально-эстетический комплекс может быть обозначен термином «индивидуально-авторский реаликон».

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с третьего французского издания Е. В. и Т. В. Вентцель. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

Булгакова, С. Ю. Корреляция реалий и лакун при переводе художественного текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №2. – С. 188-192.

Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: «Р.Валент», 2006. – 448 с.

Гришаева, Л. И. Текст в информационный век // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 68-70.

Долинин, К. А. Стилистика французского языка: Учеб. пособие для студентов факультетов и пед. ин-тов иностр. языков. – Ленинград: Просвещение, 1978. – 344 с.

Кретов, А. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013, №1. – С. 7-13.

Кретов, А. А. Реноминация как проблема переводоведения / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011, №2. – С. 154-157.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1999. – 190 с.

Наркирьер, Ф. С. Франсуа Мориак. – Москва: Художественная литература, 1982. – 232 с.

Седых, А. П. Трансформация значения в метафоро-метонимическом контексте (на материале произведений М.Пруста): Автореф. дисс.... канд. филол. наук / А. П. Седых. – Белгород, 1999.

Степанов, Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учеб. пособие. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.

Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.

Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / Н. А. Фененко [и др.]; под ред. Н. А. Фененко, А. А. Кретова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 220 с.

Roux-Faucard, G. Transtextualité et traduction: traduire le monde du récit // Identité, alterité, équivalence: La traduction comme relation. – Paris, 2002. – P. 277-293.

ИСТОЧНИКИ

Французская повесть: 70-е годы: Сборник [На франц.яз.] / Сост. Н. Ф. Ржевская. Комментарии С. Н. Зенкина. – Москва: Радуга, 1982. – 360 с.

Clavel, V. La saison des loups: roman / Предисловие Л. А. Зориной. Комментарии И. Н. Пожаровой. – Москва: Editions du Progrès, 1978. – 288 p.

Duhamel, G. Le Notaire du Havre. – Москва: Радуга, 1983. – 331 с.

Dumas, A. En Russie. Impressions de voyage. – Paris: Edition Francois Bourin, 1989. – 720 p.

Hugo, V. Quatrevingt-treize. – Moscou: Edition du Progrès, 1978. – 624 p.

La Bretagne. Voyages en France. – Paris: Larousse, 1993. – 160 p.

Le Petit Robert. – 1995.

Mauriac, F. Genitrix. – Ленинград: Просвещение, 1971. – 70 p.

Perec, G. Les Choses. М.: Прогресс, 1969.

Rolland, R. Colas Breugnon / Комментарий И. Пожаровой / Moscou: Edition du Progrès, 1968. – 266 p.

REFERENCES

Arutyunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the World of a Human] 2nd Edition. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.

Bally. C. (1955). *Obshchaja lingvistika i voprosy frantsuzskogo jazyka* [Linguistique générale et linguistique française]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury.

Bulgakova, S.Y. (2013). Korrelyatsija realij I lakun pri perevode khudozhestvennogo teksta [Correlation between the Realia and Lacunae in a Literary Text Translation]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsija"*. No. 2. Pp. 188-192.

Dolinin, K.A. (1978). *Stilistika frantsuzskogo jazyka* [French Stylistics]. Leningrad: Prosveshchenije.

Fedorov, A.V. (2002). *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)*. [The Basics of the General Theory of Translation (linguistic issues)]. Saint-Petersburg: Izdatel'skij dom "FILOLOGIJA TRI".

Fenenko N.A., Kretov A.A. (Eds.). (2013). *Frantsuzskije I russkije realii v aspekte teorii mezhjazykovoj nominatsii* [French and Russia Realia from the Perspective of the Theory of Cross-Linguistic Renomination]. Voronezh: IPC VGU.

Grishaeva, L.I. (2013). *Tekst v informacionnyj vek* [Text in an Information Era]. In *Kommunikatsija v polikodovom prostranstve: jazykovye, kulturologicheskie i didakticheskie aspekty* [Communication in a Multimodal Environment: Linguistic, Cultural and Didactic Aspects]. (pp.68-70). Saint-Petersburg.

Kretov, A.A., Fenenko N.A. (2011). *Renominatsija kak problema perevodovedenija* [Renomination as a Research Problem in Translation Studies]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsija"*. No. 2. Pp. 154-157.

Kretov, A.A., Fenenko N.A. (2013). *Lingvisticheskaja teorija realii* [Linguistic Theory of Realia]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsija"*. No. 2. Pp. 7-13.

Kubryakova, E.S. (2004). *Jazyk i znanije. Na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira*. [Language and Knowledge. On the Way to Knowledge about Language: Parts

of Speech from Cognitive Perspective. The Role of Language in Learning about the World]. Moscow: Jazyki slavyanskoj kul'tury.

Likhachev, D.S. (1999). *Oчерки по философии художественного творчества* [Essays on Philosophy of Artistic Creation]. 2nd Edition. Saint-Petersburg: BLITS.

Narkirjer, F.S. (1982). *François Mauriac*. Moscow: Khudozhestvennaja literatura.

Roux-Faucard, G. (2002). Transtextualité et traduction: traduire le monde du récit . In *Identité, alterité, équivalence: La traduction comme relation*. Paris. Pp. 277-293.

Sedykh, A.P. (1999). *Transformatsija znachenija v metaforo-metonimicheskom kontekste (na material proizvedenij M. Prusta)* [Transformation of Meaning in Metaphorical and Metonymic Contexts in M. Proust's Works]. (Dissertation Abstract). Belgorod.

Stepanov, Y.A. (2003). *Frantsuzskaja stilistika (v sravnenii s russkoj)* [French Stylistics in Comparison to Russian]. Moscow: Editorial URSS.

Vlakhov S., Florin C. (2006). *Neperevodimoje v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Third Edition. Moscow: R.Valent.

SOURCES

Frantsuzskaja povest' in the 1970th. (1982). Moscow: Raduga.

Clavel B. (1978). *La saison des loups*. Moscow: Editions du Progrès.

Duhamel, G. (1983). *Le Notaire du Havre*. – Moscow: Raduga.

Dumas, A. (1989). *En Russie. Impressions de voyage*. Paris: Edition Francois Bourin.

Hugo, V. (1978). *Quatrevingt-treize*. – Moscou: Edition du Progrès, 1978. – 624 p.

La Bretagne. Voyages en France. (1993). Paris: Larousse.

Le Petit Robert. 1995.

Mauriac, F. G. (1971). Leningrad: Prosveshchenije.

Perec, G. (1969). *Les Choses*. Moscow: Edition du Progrès.

Rolland, R. (1968). *Colas Breugnon*. Moscou: Edition du Progrès.

Наталья Александровна Фененко
Воронежский государственный университет
пл. Ленина 10-45, Воронеж, 394006
Российская Федерация
fenenko@rgph.vsu.ru

Natalia A. Fenenko
Voronezh State University
pl. Lenina 10-45, Voronezh, 394006
Russian Federation
phone: +7 (473) 220 84 22